Сдунай и его жена

У ласкова князя Владимира
Был пир навеселе.
И Алешенька Попович был бороться горазд,
А Добрыня Никитич — горазде его,
А Сдунай сын Иванович —
Из туга лука стрелять
По той было меточке — в золотой перстень,
Во ту ставочку муравленую.
Говорила бы Сдунаю молодая жена
По имени Дарья Бродовишна:
— Ах сго(й) еси, Сдунай сын Иванович, Сдунай,
Я — женщина — не хуже тебя
Стрелять из туга лука
По той меточке — в золот перстень,
В ту ставочку муравленую!
    Тут-то Сдунаю за беду стало,
За великую досаду показалося,
Говорил он своей молодой жене:
— Ты сго(й) еси, молодая жена
По имени Дарья Бродовишна,
Пойдем-ко мы с тобою на горы высокие,
На те было шеломы окатистые,
Станем мы с тобою из туга лука стрелять
По той меточке — в золот перстень,
В ставочку муравленую!
    Тут-то его молодая жена
Сдогадалася и спохваталася:
— Ах ты, Сдунай сын Иванович, Сдунай,
Ты прости меня, глупу женхцину,
Я тебя при беседы избесчестила!
У меня есть в утробе чадо милое,
Чадо милое, любимое:
По колен у чада ноги в золоте,
По локоть руки в серебре,
Во лбу солнце красное,

Во затылке светел месяц,
А по косицам — частые звезды.
    Тому-то Сдунай не увероовал,
Брал-то свою молодую жену
За белые руки, за златые перстни,
Повел ее на горы высокие,
А те было шеломы окатистые,
Становил свою молодую жену,
Отскакивал на версту пятисотную,
Стрелял бы в свою молодую жену.
Первой раз стрелил — не дострелил,
Второй раз стрелил — перестрелил,
В третий раз — попал в молодую жену
По самому сердцу,
И убил Сдунай свою жену.
Подскакивал он к своей молодой жене,
Выдергивал кинжалище острое,
Спорол у нее белую грудь,
Посмотрел во утробе чадо милое свое:
По колен бы у чада ноги в золоте,
По локоть руки в серебре… (и т. д.)
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалося.
Он остановил кинжал
Тупым концом в сырую землю
И падал на кинжал ретивым сердцем,
И закололся.
От его крови горячею
Протекла матушка Дунай-река.

(Записал Д. П. Соколов в Сузунском заводе)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.